

Помощник Сяо Ли... а, нет, теперь его следует назвать молодым секретарём Ли. Молодой секретарь Ли зажал тормоза электроскутера и пару раз окликнул хозяина у ворот кирпичного домика, но ответа не последовало. Однако калитка была открыта, да и чёрная табличка снаружи не висела — очевидно, Ся Дунли никуда не уходил.

— Где же он? — нахмурился юноша и уже собрался достать телефон, как вдруг из двора, задорно хлопая крыльями, вылетела птичка. Оперение у неё было буровато-коричневым, а клюв — ярко-жёлтым. Совсем крошечная, но невероятно бойкая. Птаха опустилась прямо на ветровое стекло электроскутера Ли Вэя и передёрнула крылышками, глядя на него.

Ли Вэй опешил.

Молодой секретарь Ли был просто в не себя от восторга! Как человеку, которого кошки презирали, собаки терпеть не могли, а насекомые облетали стороной, ему ещё никогда в жизни не удавалось подпустить к себе птицу! Даже когда он рассыпал Сяоми на подоконнике, ни один воробей и близко не подлетал. А ведь он так любил пернатых!

Забыв про телефон, он осторожно протянул руку, медленно приближая пальцы к головке птахи. Он двигался плавно-плавно, панически боясь испугать гостью. Но та, будто растеряв терпение от его медлительности, взмахнула крыльями и сама села ему прямо на палец!

Ли Вэй едва не обомлел от счастья!

Ему казалось, что в это мгновение он достиг наивысшего триумфа в своей жизни!

Жёлтоклювик (эй, с чего это ты уже дал птице кличку?) наклонил головку, смерил Ли Вэя взглядом и вдруг, взмахнув крыльями, звонко запел: «Ку-ка-ре-ку-у-у!»

Хоть птичка и была мала, кричала она с мощью петуха на рассвете. У Ли Вэя от такой оглушительной звонкости даже потемнело в глазах и слегка закружилась голова.

Увидев, что ошеломление глупого смертного прошло успешно, птаха довольнящая взмыла в воздух. Кружа над ним, она принялась выводить: «Динь-дон! Динь-дон!»

Это был звук дверного звонка дома Ся Дунли. Ли Вэй не раз звонил в него, поэтому сразу узнал точнейшую копию. Мало того, что птица передала тон, она выводила трель ещё и с лёгким эхом — совсем как звонок, эхом отдававшийся в доме Ся Дунли.

Однако наслаждаться диковинкой Ли Вэю пришлось недолго. Из кирпичного домика вылетели ещё две птахи, и теперь трио пернатых принялось дружно звонить у него над ухом. Милая забава мгновенно превратилась в настоящую звуковую атаку. С трудом выдержав три минуты, Ли Вэй сдался, завел электроскутер и помчался прочь — в сторону холмика.

Раз при таком шуме Сяо Ся не вышел, значит, наверняка работает в поле.

И вправду: проехав совсем немного, он увидел Ся Дунли, сидящего на корточках у края небольшого пруда. Юноша в кофте с длинным рукавом засучил их до локтей и опустил руку в воду, будто с кем-то там ласково играя.

«Ай-яй, а товарищ Сяо Ся всё-таки сохранил детскую непосредственность!» — на лице молодого секретаря Ли расцвела добрая, покровительственная улыбка. Но стоило ему подойти ближе на пару шагов, как улыбка моментально испарилась, сменившись строгим выражением.

— Потому что прямо рядом с тем местом, где сидел Ся Дунли, стояла открытая бутылка спиртного!

Слова автора:

Помощник Сяо Ли: «Выпил — не иди в поле, пошёл в поле — не пей! Вместе создадим гармоничную деревню!»

Замороженная груша: «Нет, это не я, я ничего такого не делал!!»

Когда молодой секретарь Ли был ещё помощником Сяо Ли, он неоднократно посещал тренинги для молодых кадров. Занятия им тогда проводила самая первая волна деревенских партторгов из числа выпускников вузов.

Из опыта старших товарищей он усвоил, что тремя самыми опасными, въевшимися и трудноискоренимыми пороками, отравляющими жизнь сельских жителей, были пьянство, азартные игры и болезненное тщеславие.

Такие проблемы, как суеверия, бедность или нежелание обращаться к врачам, ещё можно было исправить просвещением и упорным трудом, но эти три порока пустили слишком глубокие корни. Без усилий нескольких поколений с ними не сладить.

Кто-то спросит: с азартными играми всё понятно, но чем же плохо стремление сохранить лицо или выпить рюмочку?

По правде говоря, Ли Вэй поначалу и сам этого не понимал. Лишь попав на работу в деревню Сяоцзинь и встретив там свой первый Новый год, он... прозрел.

Выпить — само по себе не грех. Но если пить до беспамятства?

Сберечь достоинство — дело хорошее. Но что, если человек загорается от первой же провокации?

А главное — что происходит, когда эти две вещи соединяются воедино?

Алкоголь — давняя традиция жителей Дунбэя. Начиная с времён массового переселения «Чуангуаньдун» и даже со времён древних кочевников, люди на этой земле с её бесконечными зимами привыкли спасаться выпивкой от скуки и стужи.

И пусть в наши дни в городах давно проложены теплотрассы центрального отопления, малонаселённые деревни сопоставимой роскошью похвастаться не могут. За исключением поселков вблизи крупных городов, большинство сельских жителей спасается канами и обогревательными стенами.

Для обогрева кана и стены необходимо топливо. Однако несколько лет назад в рамках борьбы за чистоту воздуха ввели запрет на использование традиционных печей и угля, так что крестьянам пришлось переводить отопление на природный газ.

Оплата газа выходила в шестьсот-семьсот юаней в месяц, тогда как на дрова и уголь раньше уходило от силы две-три сотни. Даже с учётом субсидий такая разница оставалась весомой брешью в бюджете многих семей.

Вот и приходилось деревенским крутиться: кто-то старался не топить днём, включая печь

только на ночь, кто-то съезжался вместе, чтобы топить по очереди. Но какой бы способ они ни выбирали, вопрос «как согреться» стоял острейшим образом.

А какой способ согревания самый дешёвый?

Выпивка.

Хорошее пальто стоит несколько сотен юаней, кожаное — и вовсе за тысячу, а сколько стоит глоток обычной водки?

Вот и повелось в деревне: перед выходом в поле — глоток, замёрз в дороге — глоток, завязался оживлённый разговор — ещё глоток. Причина пропустить стопку находилась всегда и везде.

А уж за пиршественным столом отказаться было и вовсе невозможно. Все ведь дорожат своим лицом: не умеешь пить — тряпка, не хочешь пить — выражаешь неуважение. И только если тебя вырвало, считается, что приличия полностью соблюдены.

Так и рождались трагедии.

Представление о том, что алкоголь согревает — в корне ошибочно.

Основной компонент и продукты распада алкоголя расширяют сосуды. Усиленный кровоток быстро выгоняет внутреннее тепло к поверхности кожи, из-за чего человеку кажется, будто ему стало жарко.

Вдобавок спирт туманит нервную систему, снижая чувствительность к окружающей среде. Человек перестаёт ощущать холод. Сочетание прилива тепла к коже и заторможенности органов чувств и создаёт иллюзию, будто выпивка согрела.

Но иллюзия остаётся иллюзией. Внутреннее тепло, переданное к поверхности кожи, стремительно испаряется, и без новых источников обогрева организму вскоре становится значительно холоднее. Это явление называют «послеалкогольным ознобом».

Простые люди этих тонкостей не знали. Чувствуя холод, они снова тянулись к бутылке — глоток за глотком, пока не напивались до беспамятства.

Счастливицам удавалось добрести до дома, но немало было и тех, кого хмель валил с ног прямо на полпути. Оказавшись в лютый мороз на улице да ещё с феноменом алкогольного озноба, многие сельчане просто замерзали насмерть.

Помимо замёрзших, немало было и утонувших.

Зимой в Дунбэе речки замерзают не везде, и пусть воды в них немного, для пьяного человека глубокая река и не нужна — захлебнуться можно даже в мелком ручейке.

А уж сколько было пьяных дебошей, преступлений в состоянии аффекта и домашнего насилия — и не сосчитать.

Вот почему оба руководителя деревни Сяоцзинь, будучи низовыми управленцами эпохи жёсткого государственного запрета на чиновничью «банкетную культуру», от всей души ненавидели спиртное и неустанно вели разъяснительную работу.

С превеликим трудом жители деревни Сяоцзинь начали избавляться от этой пагубной привычки, и тут на тебе — юный Сяо Ся пристрастился к бутылке?! Как это понимать?!

А главное — Сяо Ся сидит у самого края пруда! Кругом ни души. Если напился и свалится в воду, даже спасти некому! Молодой секретарь Ли мгновенно переключился в режим строгого наставника и воспитателя.

Ся Дунли, потирая нос, кротко выслушивал нотацию.

На самом деле его обвиняли совершенно зря. Товарищ Сяо Ся пить умел и к алкоголю был довольно устойчив, но молодые люди его возраста обычно предпочитали буддистски-здоровый образ жизни с чаем из ягод годжи. С чего бы ему ни с того ни с сего напиваться?

Спиртное предназначалось духу карпа, обитавшей в пруду, — в знак празднования того, что она впервые прогнала серую цаплю.

Дух карпа теперь работала в доме Ся Дунли: до того как лесные лягушки уйдут в горы, она должна была защищать квакушек в пруду, не давая хищникам растаскивать их.

Поначалу дух карпа думала, что это пара пустяков. И хотя она ворчала на Ся Дунли за нежелание проявлять нежность к прекрасной даме, она искренне радовалась возможности расплатиться за спасение жизни всего за полгода присмотра за лягушками.

До того как приступить к работе, дух карпа полагала, что её главным врагом станет собственный аппетит при виде аппетитных квакушек. Однако, с гордостью заступив на дежурство, она поняла, как сильно ошибалась.

<http://bllate.org/book/18144/1757887>